

Шёл одиннадцатый час утра. Раз уж босс Цинь Ли сам предоставил ему выходной, Чэн Муюнь не видел ни малейшего смысла рваться в офис.

Сейчас он придерживался амплуа человека, который внезапно осознал: его «золотой спонсор» всё ещё сохнет по своему «белому лунному свету»... Ах, нет, вернее будет сказать — так и не смог его забыть. В рамках этого образа, пропитанного ревностью и уязвлённым самолюбием, идеальный ассистент Чэн Муюнь просто обязан был вести себя немного неадекватно.

И хотя вчерашние события в сюжете несколько вышли из-под контроля, Муюнь считал, что с точки зрения логики всё можно объяснить. Основная проблема крылась в самом Цинь Ли.

«Впрочем, Муюнь и сам был хорош — в своё время приложил руку к воспитанию этого сухаря»

Теперь же требовались радикальные меры. Цинь Ли был до крайности туг в вопросах чувств; пока не устроишь ему форменный кавардак, он ни за что не осознает, что творится в его собственном сердце.

Муюнь ещё раз тщательно проанализировал сценарий и нашёл ту самую зацепку: переломным моментом в осознании чувств Цинь Ли должны были стать «беспричинные капризы» его ассистента.

Раньше Муюнь вёл себя тише воды ниже травы, чтобы лишний раз не злить Юй Шаонина, но теперь, когда тот был почти усмирен, пришло время для следующего шага.

Правда, юноша не совсем понимал, как именно стоит «пользоваться положением» и капризничать.

«Система, — обратился он, — у тебя нет под рукой подходящего сценария, где герой наглеет, чувствуя свою власть над партнёром? Дай ознакомиться»

«В твоей ситуации и наглеет-то особо не надо, — Система, всё ещё пребывавшая в унынии после вчерашнего, отозвалась язвительно. — Цинь Ли переспал с тобой и даже не остался на утро, чтобы проявить хоть каплю нежности — сразу сбежал. Сразу видно, как сильно он тебя "ценит"»

«Эх ты, ничего-то ты не понимаешь, — парировал Муюнь. — Этот его трудоголизм — как раз то, что мне по душе. Только представь: серьёзный, суровый мужчина вскакивает с постели и мчится работать... Обожаю такие ролевые игры...»

«Хватит!» — выкрикнула Система. Она выдала ему целую пачку шаблонов поведения для взбалмошных фаворитов и поспешно ушла в режим гибернации, в очередной раз проклиная

себя за то, что вообще решилась заговорить с Чэн Муюнем о морали.

Бегло просмотрев материалы, Муюнь решил отправить Цинь Ли сообщение с претензией: мол, как ты смел бросить меня одного?

Хотя он сам годами выстраивал именно такой рабочий график, сегодня был день великих капризов, а значит, начать следовало с демонстрации неуравновешенности.

Однако стоило ему открыть мессенджер, как он наткнулся на сообщение от Юй Шаонина. Оно пришло ещё вчера, спустя полчаса после того, как они с Цинь Ли покинули клуб.

[Юй Шаонин: Ты ведь всегда хотел узнать о Ли побольше? В комнате Цзинчэня на втором этаже спрятан его секрет...]

«О, вот это я понимаю — командная работа!» — обрадовался Муюнь. Он тут же вскочил и направился на второй этаж.

«Что это с Шаонином? Его что, сглазили? — Система внезапно «проснулась». — Он же прекрасно знает, что тебе известно о твоей роли дублёра?»

«А кто сказал, что это сообщение от Шаонина?» — спросил Муюнь.

«Ты же сам сказал — помощь союзника»

«Мой союзник в этой игре — Сун Цзинчэнь»

«Так это сообщение от него?!»

Система была потрясена. Муюнь три секунды соболезновал её уровню интеллекта, после чего решительно распахнул дверь в комнату Цзинчэня.

Обстановка была ему до боли знакома — в конце концов, именно он занимался обустройством этого дома. Здесь почти ничего не изменилось, разве что прибавилось личных вещей.

Муюнь точно знал, за чем пришёл. Он сразу подошёл к большой кровати в центре комнаты и вытащил пачку писем из потайного отделения в прикроватной тумбочке.

«Как ты так быстро их нашёл?!» — Система наблюдала за этим, разинув рот.

«Я нашёл их ещё когда мы только въезжали, — небрежно отозвался Муюнь, перелистывая конверты. — Они выпали, когда рабочие двигали мебель. Мне их отдали на хранение, а я

просто положил их на место, когда всё расставили»

«И ты их прочитал?»

«Конечно нет! — возмутился Муюнь. — Я человек высоких моральных принципов, разве стал бы я вскрывать чужие любовные послания?»

Именно так — это была пачка любовных писем, которые Цинь Ли писал Сун Цзинчэню в юности. Ещё тогда Муюнь поразился, что такой сухой технарь, как Ли, способен на подобную романтику. Совершенно не вязалось с его нынешним образом.

Но раз уж сегодня Муюню полагалось капризничать, он просто обязан был их вскрыть.

Почерк юного Цинь Ли оставлял желать лучшего: буквы плясали, а каракули были почти нечитаемыми.

Муюнь вспомнил, что, когда они только познакомились, подпись Ли выглядела так ужасно, что на неё больно было смотреть. Позже именно Муюнь разработал для него изящную подпись, подходящую к его статусу, и заставил упражняться в каллиграфии. Благодаря этому сейчас почерк Цинь Ли напоминал безупречные стальные росчерки.

Что же до содержания, то оно было насквозь пропитано неловкостью, свойственной Ли. Казалось, он просто переписывал куски из какого-то сборника «Сто лучших любовных писем».

Чэн Муюнь читал и нещадно критиковал:

— М-да, неудивительно, что Цинь Ли так и не добился Цзинчэня в школе. С такими письмами на уровне младших классов ловить нечего. Боже, он серьёзно цитирует тут слова из поп-песен?..

Впрочем, суть была не важна. Важно было то, что эти письма стали идеальным поводом для скандала.

***

В этот день Цинь Ли вернулся рано — в три часа дня он отменил все дела и поспешил домой. Их холодная война с Муюнем только закончилась, и мужчина понимал: бросать партнёра после такой бурной ночи было некрасиво.

Просто утром, глядя на уставшее лицо Муюня и бесконечный список дел в его телефоне, он решил, что лучше поскорее разобраться с бумагами в офисе, чтобы освободить вечер.

Припарковав машину, Ли вошёл в дом и поднялся на второй этаж. Он заметил, что дверь одной из комнат приоткрыта. Цинь Ли не придавал этому значения, решив, что вернулся Цзинчэнь.

Он не стал заходить и направился в свою спальню на третьем этаже. Но там было пусто. Ли нахмурился и достал телефон.

— Ты где?

Голос Муюня в трубке прозвучал как-то странно. Казалось, он где-то совсем рядом.

— На втором этаже.

Ли мгновенно сообразил: в той комнате не Сун Цзинчэнь, а Муюнь. Необъяснимая тревога кольнула сердце, и он, даже не сбросив звонок, бросился вниз по лестнице.

Раньше он не любил, когда кто-то заходил в эту комнату, ставшую для него хранилищем воспоминаний. Однако при переезде он без тени сомнений доверил Муюню заниматься всеми вещами.

Ассистента, казалось, совершенно не волновало происходящее на втором этаже. За все годы он лишь присылал сюда уборщиц, но сам никогда ничего не трогал.

Цинь Ли распахнул дверь и увидел Муюня. Тот сидел в кресле у окна, а на кофейном столике перед ним лежала грудa писем.

Ли подошёл ближе. Поколебавшись, он не стал садиться напротив, а встал рядом, положив руку на плечо ассистента.

— Что случилось?

Муюнь не ответил. Лишь спустя минуту он указал на разложенные бумаги.

— Узнаёте? Что это такое?

У Цинь Ли едва заметно дёрнулось веко. Он прекрасно знал, что это. Слова его юношеской, пылкой любви, написанные ещё нетвёрдой рукой.

Внезапная паника сковала его горло. Он никогда не рассказывал Муюню о своих чувствах к Сун Цзинчэню. Поначалу считал, что Муюню это знать ни к чему, а потом... просто перестал об этом думать. И вот теперь всё это выплыло наружу. Ли и без того был неповоротлив в делах сердечных, а после недавней размолвки с Муюнем его мозг и вовсе отказывался соображать.

В комнате воцарилась тишина.

Вдруг Муюнь холодно усмехнулся. Он взял одно из писем и резко встал.

Ли инстинктивно потянулся к нему, но его жест был понят превратно.

— Что? — в голосе Муюня звучал яд. — Бойтесь даже прикоснуться к ним? Какая трогательная верность юношеской любви. Притащили своего бывшего любовника в наш дом... Неужели надеетесь воскресить былое?

Цинь Ли нахмурился, выдавив:

— Нет, он просто живёт здесь временно. Я уже распорядился найти ему подходящее жильё...

Но ассистент, вошедший в раж, и не думал его слушать. В споре он придерживался главного правила: никакой логики.

Он проигнорировал оправдания, схватил листок обеими руками и с треском разорвал его пополам. А затем, видя, как исказилось лицо Ли, превратил письмо в мелкие клочья и подбросил их в воздух.

Обрывки бумаги посыпались на пол, словно снежинки.

Ли проследил за их падением, а затем вновь посмотрел на Муюня. Тот казался ему совершенно незнакомым. Станным.

Юноша потянулся за следующим письмом, но Цинь Ли не выдержал. Он шагнул вперёд и крепко перехватил запястье ассистента.

— Успокойся, — глухо произнёс он.

Муюнь попытался вырваться, но пальцы на его руке сжались подобно стальным тискам. Спустя пару секунд он сдался.

Его глаза покраснели. Уставившись на Цинь Ли, он медленно, чеканя каждое слово, спросил:

— Кто. Для вас. Сун Цзинчэнь?

— Друг, — ответил Ли.

— Друг? И друзьям вы пишете любовные письма?

— Это было в прошлом.

— В прошлом? И поэтому вы поселили его здесь? Храните эти письма, чтобы в любой момент предаться воспоминаниям? — Муюнь говорил быстро, не давая Ли вставить ни слова. — По-моему, вы просто ждёте удобного случая, чтобы прыгнуть к нему в постель!

Разговор пошёл по кругу. Ли хмурился всё сильнее, его лицо потемнело, а взгляд стал тяжёлым — его терпение явно было на исходе.

Муюнь тяжело задышал и резко оттолкнул руку Ли.

— Раз уж вы утверждаете, что всё в прошлом... Либо Сун Цзинчэнь уходит из этого дома, либо ухожу я!

С этими словами он выскочил из комнаты. Походка его была неровной, и со стороны казалось, что он в смятении спасается бегством.

***

Чэн Муюнь до боли закусил губу. Лицо его было бледным. Поднявшись к себе, он сразу запер дверь и тяжело рухнул на кровать. Он закрыл лицо руками, и плечи его мелко задрожали.

«...Погоди. Ты что, серьёзно? — Система неуверенно подала голос. — У тебя же нет сердца...»

Муюнь убрал руки от лица. Только тогда Система заметила, что он едва сдерживает смех, а в уголках глаз блестят слёзы.

— Не могу больше... — Муюнь перекатился на бок, пытаясь унять смешинки. — Этот сценарий просто умора. Если бы я не сбежал, я бы точно расхохотался прямо в лицо Цинь Ли. Боже, ваш сценарист вообще видел реальную жизнь? Это же такая дешёвая драма!

«Так ты сейчас... просто читал текст по бумажке?!» — Система наконец поняла.

— А ты как думала? — самодовольно отозвался Муюнь. — Я бы в жизни не додумался до таких сопливых фраз. Но сработало отлично. Прошлое для Цинь Ли — неприкосновенная территория. Если бы я не смылся вовремя, он бы меня точно пришиб. Ну-ка, покажи шкалу.

«Уже шестьдесят пять процентов! — Система была в шоке. — И ключевое событие засчитано... Невероятно, ты умудрился вытянуть ситуацию даже из такого тупика»

— Ещё бы, — Муюнь так и сиял. — Главное — не выходить из образа и следовать логике мира. Тогда всё получится.

Всё, что произошло только что, было строго по сценарию. В оригинале это выглядело примерно так:

[Сун Цзинчэнь отмечает день рождения. Цинь Ли тщательно готовит праздник, чувства героев вспыхивают с новой силой, и после выпитого они целуются. На следующее утро Ли понимает, что обязан разорвать контракт с «Чэн Муюнем», чтобы с чистой совестью начать отношения с Цзинчэнем]

Конечно, детали изменились.

В оригинале Цинь Ли действительно мог считаться «чистым»: за годы содержания он ни разу не ложился в постель с дублёром, относясь к этому скорее как к акту благотворительности. Поэтому, предлагая расстаться, он не чувствовал никакой вины.

Роль же «Чэн Муюня» в этой сцене сводилась к тому, чтобы, снедаемому ревностью и горем, пойти к Ли за объяснениями.

Поначалу Цинь Ли пытался говорить разумно, но мелочные придирки и истерики Муюня вывели его из себя. После грандиозной ссоры «Муюнь» ставил ультиматум: «Либо он, либо я».

Финал был закономерен: промучившись ночь в раздумьях, Цинь Ли выбирал Сун Цзинчэня и просил Чэн Муюня уйти.

Теперь же юноша, благодаря своему актёрскому мастерству и невольной помощи Цзинчэня, произнёс ключевую фразу. Осталось лишь дожидаться, когда Цинь Ли примет решение и расторгнет контракт.

Всё шло точно по плану.

<http://bllate.org/book/15360/1417346>